

УДК 261.8

Л.А. Королева, О.В. Мельниченко

ВЛАСТЬ, РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В РОССИИ (1985–2000 гг.): К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

В статье анализируется эволюция отношений между государством, Русской православной церковью и Римско-католической церковью в России. Рассматриваются факторы влияния, причины противостояния и формы сотрудничества между ними в период 1985–2000 гг.

Ключевые слова: Россия, СССР, государство, Русская православная церковь, Римско-католическая церковь.

L.A. Koroleva, O.V. Melnichenko

POWER, RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND ROMAN CATHOLIC CHURCH IN RUSSIA (1985–2000): TO THE ISSUE ON MUTUAL RELATIONS

Evolution of the relations among the state, Russian Orthodox Church and Roman Catholic Church in Russia is analyzed in the article. Factors of influence, the opposition reasons and the forms of co-operation among them in the period of 1985–2000 are considered.

Key words: Russia, USSR, state, Russian Orthodox Church, Roman Catholic Church.

Взаимоотношения Русской Православной церкви (РПЦ) и Римско-католической церкви (РКЦ) на протяжении длительного времени складывались весьма неоднозначно. До II Ватиканского собора 1962–1965 гг. отношений между РПЦ и РКЦ фактически не было. На Ватиканском соборе были скорректированы ключевые положения социальной доктрины и экуменические принципы Римско-католической церкви, православные были признаны братьями по вере. С 1967 г. проводятся регулярные богословские собеседования делегаций данных конфессий.

Однако со второй половины 1980-х гг. в отношениях между Русской православной церковью и Римско-католической церковью начинаются трения. В связи с этим цель работы состоит в исследовании причин и предпосылок развития взаимоотношений, факторов влияния на них, форм сотрудничества во второй половине 1980–2000-х гг.

В качестве теоретико-методологической основы исследований были избраны принципы: а) объективности; б) историзма; в) системности; г) объективного учета социально-личностного в предмете исследований и наиболее возможная нейтрализация субъективного отношения исследователя при оценке и интерпретации фактов. Кроме методологических принципов, в работе были использованы специально-исторические принципы: сравнительно-исторический, актуализации, проблемно-хронологический, диахронный. А также общенаучные принципы: структурно-системный, статистический, классификации, позволившие проанализировать эволюцию православно-католических отношений в комплексе их составляющих, проанализировать и сопоставить различные данные для определения основных особенностей и сущностных характеристик религиозной практики РПЦ и РКЦ.

Со второй половины 1980-х гг. в СССР происходит кардинальное изменение социально-экономических условий существования, что вызывает перемены в деятельности РПЦ и, как следствие, в ее отношениях с другими конфессиями, в том числе и РКЦ.

Со второй половины 1980-х гг. руководство СССР начало выстраивать новые отношения с Ватиканом, что было связано, в первую очередь, не с религиозной, а политической целесообразностью. Советское руководство сочло, что «линия на постепенное развитие контактов с Ватиканом и способствовала приведению в норму отношений между религиозными организациями и верующими» [12, д. 258, л. 40] и

поэтому предлагались конкретные мероприятия реализации данной программы – обращения патриарха, встречи делегаций с обеих сторон, совместные консультации и т.д. Данные предложения были одобрены как со стороны ЦК КПСС, так и МИД СССР и КГБ СССР. В то же время советское руководство учитывало шаги Ватикана и действовало соответственно.

В январе 1986 г. папа римский Иоанн Павел II выступил с инициативой провести молитвы за мир во всех национальных церквях и встречу руководителей всех церквей и некоторых религиозных международных организаций в Италии под эгидой Ватикана, посвященную вопросам сохранения мира. Председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР К.М. Харчев подоплеку данных предложений видел в том, что «Ватикан, следуя в фарватере внешней политики США, пытается снизить нарастающий накал антивоенных выступлений не только со стороны деятелей католической церкви, но и других религий. При этом римская курия стремится подчинить своему влиянию международные и национальные религиозные организации, возглавить миротворческую деятельность, направив ее в выгодное империалистическим кругам русло» [13, д. 46, л. 4]. ЦК КПСС полагал возможным через Совет по делам религий рекомендовать религиозным организациям высказать согласие с инициативой папы только в части проведения молитв за мир, отметив, что в СССР такая практика существует. Участие же советских религиозных представителей в предложенной встрече сделать невозможной из-за заранее неприемлемых для Ватикана контрпредложений. Например, можно было указать, что «современная ситуация в мире требует от церквей не только символических актов, но и конкретных конструктивных действий» [13, д. 46, л. 4]. С этой целью предлагалось принять обращение к главам государств и правительств с призывом взять на себя обязательства о неприменении первыми ядерного и других видов оружия массового уничтожения, прекратить их испытания, не допустить милитаризации космического пространства, добиваться полного и всеобщего разоружения к 2000 г. Кроме того, Совету по делам религий предписывалось оказать содействие религиозным организациям СССР в продвижении их миротворческих предложений среди зарубежной общественности с помощью советских средств массовой информации и общественных организаций, а руководству Русской православной церкви выступить с разъяснением своих позиций в газете итальянской компартии «Унита» [13, д. 46, л. 2].

По мнению Ю.Н. Христораднова, во второй половине 1980-х гг. «существенно активизировалась деятельность Ватикана и буржуазно-националистической эмиграции Запада с целью возрождения на Украине униатской церкви и повышения эффективности деятельности католической церкви в Белоруссии» [12, д. 258, л. 39]. Ю.Н. Христораднов подчеркивал, что зарубежные эмиссары, используя различные каналы обменов и связей, включая туризм, устанавливали контакты с униатским и католическим духовенством, подстрекая его к противоправным акциям. Опасность состояла в том, что действия униатского духовенства создавали обстановку, приобретающую политический характер. Ватикан в одностороннем порядке принял решение о назначении епископа католической церкви в Белоруссии. Позиция Совета по делам религий при Совете Министров СССР выражалась в том, что «необходимо увязать эти вопросы с решением так называемой «униатской проблемы», проведением границ епархий в соответствии с государственными границами, установлением приемлемого для нас порядка согласования назначений иерархов церквей на территории Советского Союза» [12, д. 258, л. 39].

В 1987 г. в ЦК КПСС через посольство в Лондоне поступило письмо О. Мактернана, одного из лидеров католической антивоенной организации «Пакс кристи интернэшнл», тесно связанной с Ватиканом, с просьбой о приеме в ЦК КПСС на уровне члена Политбюро делегации данной организации во главе с ее президентом австрийским кардиналом Ф. Кенигом. Заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС В.В. Загладин указал, что «учитывая влияние «Пакс кристи» в деле привлечения верующих католиков в борьбе за мир и важности разъяснения в религиозных кругах позиции КПСС и Советского государства по проблемам войны и мира, встречу в ЦК КПСС с ее представителями считали бы полезной» [13]. Однако, учитывая позицию Ватикана в отношении СССР, предлагалось прием делегации провести на уровне заместителя заведующего одним из отделов ЦК КПСС и в беседе изложить принципиальные взгляды КПСС в отношении религии и церкви. Приглашение делегации планировалось осуществить по линии Советского комитета защиты мира без посещения прибалтийских республик [13].

В это время «впервые советское внешнеполитическое ведомство признало, что в отношениях с Ватиканом необходимо учитывать и мнение РПЦ [13]. В то же время, когда посол США в СССР Д. Мэтлок в 1988 г. в беседе с К.М. Харчевым проявил заинтересованность к вопросу отношения государства к проблеме униатской церкви, подчеркнув при этом, что «выражая точку зрения американцев, которые считают основной проблемой свободное вероисповедание для существующих униатских обществ, он никоим образом не хотел бы оказывать давления», председатель Совета пояснил: «Вопрос об униатской церкви Советом по

делам религий рассматривается как внутрицерковный, так как вопрос, касающийся взаимоотношений Русской православной церкви и Римско-католической церкви» [11]. К.М. Харчев заметил, что в данном контексте «создававшаяся на Западе шумиха вокруг вопроса регистрации униатской церкви и в этой связи о якобы имевших место нарушениях прав верующих в Советском Союзе отнюдь не способствовали улучшению международного климата» [11, д. 303, л. 2].

В 1989 г. патриарх Пимен изложил позицию Русской православной церкви в отношении «униатской проблемы» в послании папе римскому Иоанну Павлу II. Совет по делам религий при Совете Министров СССР согласно постановлению ЦК КПСС № 17878 от 13.09.1989 г. оказывал необходимое содействие Московской патриархии в решении данного вопроса. В послании РПЦ подтвердила Ватикану твердость и однозначность своей позиции по украинским униатам: «Обнародовать в Москве и Риме пастырские послания и решения, в которых христиане восточного обряда (униаты) призывались бы и благославлялись быть чадами РПЦ под окормлением патриарха Московского и всея Руси, а духовенство, действующее подпольно, объявлялось бы непризнанным» [12, д. 256, л. 96]. При этом патриарх обещал всемерно содействовать благоприятному решению проблем Римско-католической церкви в СССР. В случае же негативного отношения со стороны Ватикана к предложениям РПЦ, московское руководство могло нарушить межцерковный диалог между католической и всеми православными церквями. При вручении послания папе римскому делегацией РПЦ во главе с митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (25.08.1989 г.) последний заявил о законности существования католических церквей восточного обряда на Украине, обратив внимание на тот момент, что Рим является гарантом для последователей униатской церкви. Папа римский высказал убеждение, что «в результате перестроечных процессов, особенно после принятия нового законодательства о свободе совести, униатская проблема «разрешится сама собой» [12, д. 256, л. 97]. Заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС А.Я. Дегтярев подчеркнул, что «переговоры выявили неоднозначность подхода высшего руководства Ватикана к униатской проблеме» [12, д. 256, л. 97].

В 1989 г. состоялась встреча членов Синода РПЦ с министром иностранных дел Э.А. Шеварднадзе, после которой МИД РФ стал сообщать РПЦ о своих намерениях в отношении Ватикана. С 1991 г. М.С. Горбачев в своих посланиях папе римскому стал соотносить свои инициативы с пожеланиями патриарха [6, с. 39–41]. При этом российские власти постоянно заявляли о своем стремлении наладить диалог между РПЦ и Ватиканом, тогда как Ватикан в данный период тщательно разводил межгосударственные и межконфессиональные отношения [7, с. 2]. В конечном итоге Римско-католическая церковь начала действовать в России как централизованная религиозная организация, что стимулировало активизацию деятельности РКЦ и вызвало осложнение отношений РПЦ с Римско-католической церковью.

В 1990–1991 гг. Ватикан реорганизовал структуру Католической церкви в России, назначив апостольских администраторов католиков латинского обряда Европейской части России и Азиатской части России – архиепископа Тадеуша Кондрусевича с резиденцией в Москве и епископа-иезуита Иосифа Верта с резиденцией в Новосибирске, которые родились в СССР и были знакомы с советско-российской действительностью [8, с. 254–255]. Позже были созданы апостольские администрации для католиков юга России и востока Сибири и Дальнего Востока. В 1999 г. апостольские администрации были объединены в конференцию католических епископов России. В результате в стране было создано более полутора сотен приходов, несколько католических учебных заведений и благотворительных организаций.

Русская православная церковь оказалась не готовой существовать в условиях соревнования и соперничества, утратив за советский период истории навыки миссионерской деятельности и приходской работы вне храма. В свою очередь, протестанты и католики, приехавшие с Запада, обладали значительным опытом в подобного рода формах религиозной практики. Как следствие, между Русской православной церковью и западными христианскими организациями возникли сложности в отношениях.

Миссионерская деятельность и прозелитизм также понимались по-разному. Протестанты считали, что любой человек, являющийся лишь «номинальным» христианином, даже если он был ранее крещен, может рассматриваться в качестве законного объекта евангелизации в любом регионе мира независимо от того, действует ли там другая христианская церковь, и этот регион будет считаться «законным миссионерским полем». Католики к этому добавляли представление о вселенском характере своей церкви и считали возможным заниматься миссионерством в любой стране, поскольку каждый гражданин обладает свободой выбора вероисповедания [5, с. 35–36]. Известный деятель Католической церкви в России Б. Антонини считает, что следует развести и «нащупать тонкую грань между проповедью, миссионерством и прозелитизмом», Церковь имеет право «проповедовать там, где только это возможно», она «обязана нести Слово Христово всем народам, уважая в то же время свободу совести каждого человека. Церковь

предлагает Истину, но никому не навязывает ее». Причем, «пастырская деятельность Католической церкви в России не вдохновляется духом Крестовых походов» [1, с. 20].

По мнению же Русской православной Церкви, поскольку Россия является канонической территорией РПЦ и основная часть российского населения находится под ее «духовным окормлением», то Россия не должна выступать открытой площадкой для миссионерской деятельности других конфессий. Таким образом, то, что «в глазах евангелических деноминаций представлялось законной миссионерской деятельностью, в глазах РПЦ выглядело как недопустимый прозелитизм. Поэтому по инициативе РПЦ, поддержанной всеми поместными православными церквами, был приостановлен богословский православно-католический диалог» [14, с. 3].

К середине 1990-х гг. дискуссия о прозелитизме приобрела более острый характер в связи с явной политизацией религии. Государственные структуры, пытаясь заручиться поддержкой со стороны населения, стали проявлять небывалую толерантность и даже покровительство в отношении Русской православной церкви, стремясь повысить свой авторитет. Политические деятели со всевозможных трибун порицали прозелитизм, «разоблачали сущность» зарубежных миссий, тоталитарных сект и деструктивных культов. Подобные выступления находили отклик и понимание со стороны населения, поскольку к середине 1990-х гг. произошло своего рода «отрезвление» в отношении западных ценностей. В фокусе внимания общественности вновь оказываются православие и другие традиционные конфессии; высказывались опасения, что религиозные свободы зашли чрезмерно далеко и несут в себе опасность настоящим российским духовным традициям; проникновение в российскую действительность новых религиозных учений может привести к размыванию истинных духовных основ и национальной самобытности и идентичности.

В 1995 г. состоялась консультация Всемирного совета церквей по вопросу прозелитизма в Московской духовной академии, на которой было дано определение прозелитизму как «обращению христиан из одной конфессии в другую с использованием методов и средств, противоречащих принципам и духу христианской любви и свободы личности» [9, с. 80].

К середине 1990-х гг. миссионерская деятельность Русской православной церкви в противовес инославному прозелитизму активизируется. На Архиерейском соборе 1994 г. было принято определение «О православной миссии в современном мире», и затем образован Миссионерский отдел Московского патриархата, имевший главную цель «оторванному от культурной среды прозелитизму противопоставить миссию, связанную с культурой и традициями народов, среди которых велась проповедь» [4, с. 71]. Со второй половины 1990-х гг. стали регулярно проходить Всецерковные миссионерские съезды. В ноябре 1995 г. был образован специальный Православный миссионерский фонд Русской православной церкви.

Папу римского Иоанна Павла II приглашали с визитом в Россию М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, но понтифик настаивал на обязательном приглашении от предстоятеля РПЦ, и randevu не состоялось. В процессе подготовки к встрече папы римского с патриархом Московским и всея Руси Алексием II (Австрия, 1997 г.) был разработан проект совместного заявления, в котором присутствовало положение об отказе от униатства как средства воссоединения церквей и от католического прозелитизма в России и других странах СНГ. Однако РКЦ в конечном итоге сочла недопустимым согласиться с данными тезисами, и запланированная встреча была отменена.

В 2000 г. из-за серьезных расхождений в трактовке вопроса «унии» между православными и католиками деятельность смешанной комиссии по богословскому диалогу между церквями была прекращена.

Итак, отношения РПЦ с Римско-католической церковью складывались напряженно из-за борьбы за сферы влияния. В связи с изменившимися социально-экономическими условиями в СССР во второй половине 1980-х гг. РКП усилила свое проникновение в Россию, тогда как РПЦ оказалась не конкурентноспособной. Проблема прозелитизма усугубляла ситуацию. Однако власти был необходим диалог РПЦ и РКЦ, и отношения начинают выстраиваться с конца 2000-х гг. Следует согласиться с В.В. Заярным, что «борьба Русской православной церкви с конкурирующей Римско-католической церковью и движением экуменизма, с одной стороны, вписывается в направление внешнеполитической деятельности России по защите своих национально-государственных интересов и зон влияния в СНГ, с другой стороны – отражает нежелание Русской православной церкви менять свою политику в области миссионерско-проповеднической деятельности, в проведении реформ структуры самой церкви, отношении к реформам в современном обществе» [3, с. 12–13].

Литература

1. *Антониони Б.* Что я думаю о прозелитизме // Свет Евангелия. – 2000. – № 37. – С. 20.
2. *Донцев С.П.* Государство, церковь и православно-католический диалог в конце XX – начале XXI вв. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: мат-лы X Междунар. науч. конф. – Иваново, 2010. – Ч. 1. – С. 166–167.
3. *Заярный В.В.* Русская православная церковь в современном политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук. – Ростов н/Д., 2003. – 193 с.
4. *Иоанн (Попов).* Епископ Белгородский и Старооскольский, председатель Миссионерского отдела при Священном синоде Русской православной церкви. Миссия церкви в православном понимании: экклезиологические и канонические обоснования // Журн. Москов. Патриархии. – 1996. – № 1. – С. 71.
5. *Казьмина О.Е.* Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в современной России (Этноконфессиональная составляющая проблемы): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – 42 с.
6. *Карлов Ю.Е.* Миссия в Ватикан. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 232 с.
7. *Лайоло Дж.* В отношениях Ватикана с российским правительством нет серьезных проблем // Коммерсант. – 2005. – 2 нояб. – С. 2.
8. *Никифорова М.Е.* Планетарное католичество: Ватикан и глобализация. – М.: Либроком, 2010. – 320 с.
9. Определение, выработанное Православной консультацией по миссии и прозелитизму, организованной Всемирным советом церквей и прошедшей 26–29 июня 1995 года в Сергиевом Посаде // Христианство в истории. – 1995. – № 4. – С. 80.
10. *Платонов В.* Президент отвечает за церковь // НГ-религии. – 2003. – 2 июля.
11. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 102.
13. РГАНИ. Ф. 89. Пер. 11.
14. Рождественское послание патриарха Алексия // Журн. Москов. Патриархии. – 1990. – № 12. – С. 3.

